

вой керамикой, трипольская керамика, что, несомненно, указывает на генетические связи позднего населения с трипольским населением предшествующего этапа.

В «Очерках...» правильно решается вопрос о расселении племен по обширной территории европейской части СССР в связи с экономическими причинами. Изучение археологического материала приводит автора к выводу, что в эпоху неолита и бронзы происходил процесс расселения племен подобно тому, как это наблюдалось Морганом у индейцев. Действительно, распространение на значительной территории археологических памятников, отличающихся общностью (в основном наблюдаемой на массовом керамическом материале), позволяет судить о заселении этой территории родственными племенами. В связи с этим автором опровергаются антимарксистские построения о стадийных изменениях материальной культуры, происходящих независимо друг от друга в разных местах.

Не останавливаясь на всех вопросах и положениях, выдвигаемых в «Очерках...», мы должны отметить дискуссионный характер книги и актуальность тем, затронутых в этой работе. Несмотря на недочеты, которые неизбежны при всяком начале новой работы, особенно при первом опыте написания истории племен, книга А. Я. Брюсова сыграла большую роль в работе археологов, будя мысль исследователя и направляя ее к рассмотрению давно известного материала под новым углом зрения.

М. Фосс

*

Большие археологические исследования, проведенные в СССР, поставили и разрешили на основе марксистско-ленинской методологии ряд крупных исторических проблем. Одной из них явилось изучение неолитических памятников на территории СССР. А. Я. Брюсову здесь принадлежит одно из первых мест. Более 30 лет он работает по изучению неолитических памятников. Приступая к написанию своей новой книги, А. Я. Брюсов приходит к выводу, что фундамент наших знаний о неолитических культурах «достаточно прочен, чтобы на нем можно было начать воздвигать здание исторических сведений о безмянных племенах, населявших эту часть нашей родины несколько тысячелетий тому назад» (стр. 3). В связи с этим А. Я. Брюсов и ставит своей задачей изложить именно «историю неолитических племен, живших на территории европейской части СССР» (стр. 3).

Обрисовывая на широком фоне события этого времени, А. Я. Брюсов приходит к важному выводу, что «эпоха неолита начинается крупными изменениями, происходившими в обществе и ознаменовавшимися в конце концов сложением на европейской части нашей родины крупных этнических образований, легших в основу современных народов» (стр. 259). Выводы эти подводят А. Я. Брюсова к решению ряда основных проблем. Таким образом, сама задача, выдвинутая автором, представляется новой и важной. И книга его, в основу которой положены исключительно археологические материалы, написана не в плане обычных археологических исследований, а в плане, как он условно называет, «гражданской истории этой отдаленной эпохи, в целях первой попытки дать сильное, хотя далеко не полное описание исторических событий, происходивших в европейской части СССР в эпохи неолита и ранней бронзы и дать их объяснение, исходя из особенностей развития производительных сил и производственных отношений» (стр. 19). В этом стремлении А. Я. Брюсова — безусловная заслуга автора. Вместе с тем, читая главу за главой книгу А. Я. Брюсова, отчетливо начинаешь понимать, насколько вообще отрывочен, недостаточен в целом археологический материал той или иной культуры, для того чтобы создать не обобщение тех или иных археологических памятников, а прочесть подлинную историю тех племен, по которым имеются значительные, казалось бы, археологические данные. А. Я. Брюсов сам хорошо понимает это. Свои «Очерки...» он называет «первым опытом», и мне представляется, что именно с этих позиций и следует рассматривать рецензируемую книгу.

Книга А. Я. Брюсова начинается введением, в котором автор пытается разрешить ряд общих вопросов, далеко еще не ясных в археологической науке. Им уточняется вопрос о том, что надо называть «неолитом», а также вопрос о датировке неолитических памятников и спор о скорости передвижения вещей от одного пункта до другого (стр. 7). Обращая внимание на те изменения, которые произошли в среде, окружавшей первобытного человека по окончании таяния ледников, А. Я. Брюсов подробно останавливается на интенсивном расселении племен, которое началось из первоначальных областей в области мало заселенные или незаселенные. Таким образом возникли группы «родственных племен, совокупиность которых по генетической близости их материальной культуры и по вероятной близости языков мы можем назвать племенными общностями, ... которые к III тыс. до н. э. сложились на территории Восточной Европы, раньше на юге, позднее на севере» (стр. 10).

В конце введения А. Я. Брюсов дает следующее определение термина «археологическая культура»: она «служит показателем этнического и соответственно языкового единства в том смысле, что обнимает, повидимому, археологические памятники группы родственных племен, говоривших на диалектах или языках одной языковой семьи, но не включает археологических памятников всех племен, говоривших на языках данной языковой семьи» (стр. 24). Этими положениями автор стремится иллюстрировать положение о том, что начало современных языков надо искать в глубокой древности, до образования классового общества.

Не останавливаясь на первой части книги А. Я. Брюсова, достаточно подробно освещенной в рецензии М. Е. Фосс, я бы хотела высказать несколько замечаний о последних четырех главах книги А. Я. Брюсова, посвященных истории южных племен. Нельзя не подчеркнуть, что если поздний неолит, или энеолит, характеризуемый трипольской культурой, изучен достаточно полно, то период раннего неолита изучен на Юге много хуже, чем на Севере. В главе 9-й А. Я. Брюсов сделал предварительную сводку всего, что мы имеем в печати по раннему неолиту Украины, однако этого материала настолько мало, что, как пишет А. Я. Брюсов, «если мы бросим взгляд на европейскую карту Союза, то увидим, что для данной эпохи мы должны говорить не о белых пятнах, разделяющих археологически обследованные области на юге страны, а скорее о нескольких сравнительно небольших обследованных районах, разбросанных на огромном белом пространстве» (стр. 196). Слабая изученность памятников раннего неолита из Украины чрезвычайно затрудняет решение вопроса о сложении ранне-неолитических местных культур. Вместе с тем мне кажется, что эти местные ранне-неолитические племена прошли достаточно долгий и разнообразный путь развития, и поэтому нельзя согласиться с мнением А. Я. Брюсова о кратковременности существования раннего неолита сравнительно с северным неолитом. Самая приблизительная датировка начала ранне-неолитических стоянок Надпорожья атлантическим периодом (V—IV тыс. до н. э.) и начала ранне-трипольских поселений позднего неолита (III тыс. до н. э.) не дают, как мне представляется, оснований А. Я. Брюсову считать период раннего неолита на Юге «сравнительно непродолжительным» (стр. 197).

Стратиграфические наблюдения на многослойных стоянках Надпорожья (Сурской остров, Игреньские стоянки, стоянки Виноградного о-ва и др.), в районе Мелитополя (стоянка у Каменной могилы), в Южном Побужье (стоянка у с. Гард и др.), на Десне (Песочный ров и др.) указывают на несколько этапов развития раннего неолита. Кроме того за последние годы на основе работ М. В. Воеводского, В. Н. Даниленко, О. Н. Бадера и др. вырисовываются локальные варианты этих ранне-неолитических культур на Украине, с оседлыми охотничье-рыболовческими стоянками и со стоянками, где уже появляются признаки земледелия и скотоводства. Кроме донецкого надпорожского и деснинского вариантов ранне-неолитической культуры, возможно говорить уже о приазовском, киевском среднеднепровском, о южнобугском и среднеднепровском вариантах. Все это не подтверждает мнения А. Я. Брюсова о кратковременности раннего неолита на Юге. Важен также вопрос о степени изученности орудий труда и техники выделки кремневых орудий у южных племен, которая, по данным последних лет, в эпоху III тыс. до н. э., например, у трипольских племен, оказывается

исключительно высокой; поэтому трудно согласиться с мнением А. Я. Брюсова, что «на юге камень, оттесненный металлом на роль подсобного материала, во всяком случае не первоклассного, с точки зрения человека того времени, не привлекал к себе такого внимания, каким он пользовался на Севере» (стр. 197). Помимо богатейшей каменной индустрии трипольской культуры, которая была обнаружена за последние годы на Днестре, нельзя забыть о развитом производстве каменных орудий на Волыни и в районах Западной Украины, а также о разнообразных формах просверленных топоров в лесостепной и степной полосе Причерноморья в эпоху развитого неолита и бронзы.

Сводка по раннему неолиту Юга, сделанная А. Я. Брюсовым, еще раз показывает, насколько необходима скорейшая публикация всех тех материалов по раннему неолиту, которые уже накоплены, например, А. В. Добровольским, М. Я. Рудинским, В. Н. Даниленко и др. Без знания этих материалов нельзя написать историю южных племен, а всякие попытки повлекут к упрощению и необоснованным выводам.

В следующих главах А. Я. Брюсов останавливается на вопросе о среднеднепровской культуре. Рассматривая керамику, найденную во втором слое стоянки Среднего Стога на Днестре, А. Я. Брюсов утверждает, что эта «керамика и часть сосуда из верхнего слоя 8-й Игреской стоянки, совершенно очевидно, должны быть отнесены и по форме и по характеру орнамента к керамике среднеднепровской культуры» (стр. 211). Однако толстостенный с яйцевидным дном сосуд из серой массы с сильной примесью толченых раковин, с зигзагообразным орнаментом, нанесенным плоским и мелким прямоугольным штампом (рис. 54), так же как и посуда из стоянки Среднего Стога, являются типичными образцами керамики ранне-неолитических стоянок Надпорожья и, с моей точки зрения, и по форме, и по орнаменту имеют мало общего с керамикой среднеднепровской культуры. А именно на основании этого слабо аргументированного положения А. Я. Брюсов переходит к вопросу о происхождении в целом всей среднеднепровской культуры. Совершенно упускается А. Я. Брюсовым и тот факт, что весь инвентарь неолитических стоянок Среднего Стога, 8-й Игреской и среднеднепровской культуры не имеет общих черт, не говоря уже о том, что основной район распространения среднеднепровской культуры лежит не в степной полосе Причерноморья, а в лесостепном районе Среднего Поднепровья. Позднетрипольская керамика из района Среднего Поднепровья имеет, как это мною указывалось, немало общих черт с керамикой среднеднепровской культуры, и это, безусловно, указывает на постоянные связи, существовавшие в тот период между племенами позднего Триполья и племенами среднеднепровской культуры.

В настоящее время нельзя, конечно, рассматривать среднеднепровскую культуру, как продолжение древней культуры скотоводческо-земледельческих племен позднего Триполья. Безусловно среднеднепровская культура происходит от местных неолитических племен, стоянки которых обнаружены за последние годы в Среднем Поднепровье.

А. Я. Брюсов в главах, посвященных истории южных племен, совершенно не затрагивает западных районов Украины. При рассмотрении же истории развития среднеднепровских племен это совершенно необходимо, так как среднеднепровская культура развивалась в связи с культурой шаровидных амфор и шнуровой керамики западных областей Украины, распространенной в Волынском Полесье, в верхнем и среднем Поднепровье. Здесь, так же как на Среднем Днестре, могут быть выделены две хронологические группы: ранняя с круглодонной керамикой, с углубленным орнаментом в елочку и веревочной орнаментацией, с шаровидными амфорами, датируемая концом III — началом II тыс. до н. э. (стретовский тип), и поздняя с плоскодонными сосудами, шаровидными амфорами, унетичкой бронзой и с распространением ятара (гатнинский тип). При создании истории южных племен нельзя материал западных областей отрывать от среднеднепровской культуры еще и потому, что именно из западных областей проникает сюда унетичкая бронза; на связи с Востоком указывают фатьяновского типа топоры, найденные в западных областях Украины.

Поздне-шнуровая культура лежит на Западе, повидимому, в основе комаровской культуры. Таким образом, значительно более ранняя датировка среднеднепровской культуры, чем это дано мною (т. е. конец III тыс. до н. э.) по отдельным сосудам из Среднего Стога и 8-й Игринской стоянки, кажется неосновательной, так же как и связанный с этим вопрос о происхождении среднеднепровской культуры из степной части Надпорожья.

Догадки свои А. Я. Брюсов подтверждает обычно картами. Так, и при разборе среднеднепровской культуры приведена карта на рис. 59. Кроме отмеченной в списке опечаток ошибки о районе распространения трипольской культуры в том месте, где должен быть помещен район волинской мегалитической культуры, на этой карте допущена и другая ошибка. Пунктиром резко выделены не существовавшие, как мне представляется, границы распространения трипольской культуры, причем это сделано настолько искусственно, что ряд основных областей трипольской культуры оказался за пунктиром, например, район Среднего Поднепровья. На карте на рис. 60 показана область распространения мегалитической культуры на Волини (по Левицкому), однако эта область не ограничивается только этим районом Волини. Она распространяется значительно на запад и на юго-запад до Днестра. Таким образом, приводимая А. Я. Брюсовым карта волинских мегалитов (верная для Волини) не дает представления о подлинном соотношении племен мегалитической культуры, в частности, с племенами культуры шнуровой керамики и среднеднепровскими, а также с позднетрипольскими.

В главах, посвященных южным племенам, слабо или вовсе не разобраны взаимоотношения и характер связей между всеми этими племенами. А. Я. Брюсов не останавливается также на вопросе о сходстве между среднеднепровской и катакомбной культурами и характере связи между ними, отмеченных в свое время еще В. А. Городцовым. В этом отношении, правда, еще очень мало сделано, но пройти мимо этих взаимоотношений при создании истории южных племен было бы неверно тем более, что по А. Я. Брюсову «катакомбники» и «среднеднепровцы», видимо, были мирно жившими соседями и затем вместе уничтожили «трипольцев».

В своей книге А. Я. Брюсов правильно уделяет большое внимание трипольской культуре, причем моя сводная работа о периодизации трипольских поселений в основных своих положениях принимается А. Я. Брюсовым. А. Я. Брюсов согласен со мной даже и в характеристике позднего городско-усатовского периода Триполья, но возражает против того, что это поздний период (или этап) Триполья. По его мнению, это не поздний этап, а две новые особые: городская и усатовская культуры. Конечно, изменения на позднем этапе развития культуры рядом черт заметно отличают позднее Триполье от среднего, но не настолько, как мне казалось, чтобы можно было говорить об особой одной или двух культурах. Когда Е. Ю. Кричевский и я писали о позднем городско-усатовском периоде трипольской культуры, то известны были лишь единичные поселения этого времени. На основании новых археологических материалов писалось тогда, что позднему Триполью свойственны переход от земледелия к скотоводству, исчезновение глинобитных жилищ (площадок), изменение местоположения поселений, появление новых форм сосудов, и что в этот период намечается, повидимому, переход от патриархата к патриархату. Все эти черты, подмеченные для позднего периода Триполья, не давали все же оснований выделять городско-усатовский этап в особую культуру.

В настоящее время число поздне-трипольских поселений во много раз увеличилось, но вместе с тем попрежнему нет оснований отрывать поздне-трипольский этап от трипольской культуры в целом и создавать одну или две культуры — городскую и усатовскую, а также считать, что намечившиеся изменения в позднем Триполье вызваны каким-то «изменением в составе населения», как пишет А. Я. Брюсов.

Изменения, подмеченные мной для позднего Триполья, остаются, но, конечно, неверно их называть «радикальными». Роль скотоводства увеличивается. Перехода к полному скотоводству еще не произошло; выбор места поздне-трипольских поселений вдоль высоких берегов и в пойме рек остается; глинобитные наземные жилища

в большинстве своем также характерны и для позднего Триполья; формы сосудов изменяются, но все же доминирует трипольская расписная керамика, пластика, орудия труда, хотя и появляются новые формы, что хорошо может быть подтверждено, например, материалом из раскопок 1952 г. поздне-трипольского могильника у с. Выхватинцы. Перед нами, бесспорно, материал трипольской культуры, со всеми ее характернейшими элементами, и вместе с этим могильник может быть датирован поздним периодом развития этой культуры. Раскопки поселений на юге у с. Мерешовка, Волчинец, на севере у с. Сандраки обнаруживают трипольский комплекс находок на позднем этапе развития культуры.

Показывая изменение трипольской культуры от этапа А к В и от В к С, мы стремимся подчеркнуть не только общее между этими этапами, но и различия. Надо сказать, что этап А заметно отличается от последующих В и С, и если встать на точку зрения А. Я. Брюсова, то для трипольской культуры следует установить смену этнического состава населения дважды на протяжении всех трех этапов развития трипольской культуры. Делать это, как мне представляется, нет оснований.

Остановимся все же на тех доказательствах, которые приводит А. Я. Брюсов в пользу своего мнения о существовании двух культур — городской и усатовской, вместо одного городско-усатовского периода трипольской культуры. А. Я. Брюсов выдвигает два положения: 1) «На основной территории племен трипольской культуры нет поздних поселений якобы той же культуры» и 2) «Там, где имеются поздние поселения, отсутствуют более ранние трипольские поселения» (стр. 233). Кроме того А. Я. Брюсов составил карту на рис. 63, обобщив данные из карты, изданной в моей книге. Прежде всего следует указать, что на моей карте, законченной в 1946 г., указано лишь сто основных трипольских поселений (теперь их известно более тысячи), и она ни в какой степени не может отражать полностью расселение трипольских племен, и потому обобщения этих данных, как сделал это А. Я. Брюсов на рис. 53, ведут к искажению.

Затем необходимо решить вопрос, что является основной территорией трипольских племен и действительно ли на ней, как утверждает А. Я. Брюсов, нет поздне-трипольских поселений. Основной территорией распространения трипольских племен являются лёссово-черноземные пространства в бассейнах Днестра, Южного Буга и Днестра (исключая степные районы излучины и низовьев Днестра), а также северо-восточные районы. На всей этой основной территории в настоящее время обнаружены поздне-трипольские поселения; в этих же районах обнаружены поселения среднего периода, а в бассейне Южного Буга и Поднестровья — поселения всех трех периодов развития культуры. Если сделанные нами наблюдения над постоянным расселением трипольских племен правильны, то наличие в северо-восточных и южных районах поздне-трипольских поселений объясняется результатом такого продвижения. И тогда понятно, что именно здесь не должно быть наиболее ранних памятников. Таким образом, доводы А. Я. Брюсова опровергаются прежде всего тем, что поздне-трипольские поселения охватывают значительные пространства на основной территории Триполья.

Отвергнув мою точку зрения о позднем этапе Триполья и выдвинув свое мнение о смене населения и о двух культурах на месте Триполья — городской и усатовской, А. Я. Брюсов не рассматривает их происхождения, а лишь указывает в общей форме, что в них мы находим «преемственность от культур среднеднепровской и волынской мегалитической» (стр. 248). Им создается новая гипотеза о том, как трипольская культура была уничтожена новыми пришельцами — племенами «катакомбников». В доказательство приведен один лишь пример раскопок во Владимировке, где курган ямно-катакомбной культуры был найден на месте трипольского поселения, выше трипольских жилищ. Отсюда делаются выводы о том, что трипольские племена подверглись нападению со стороны «катакомбников», которые закрепляют за собой ту территорию, где некогда жили трипольские племена. Совершенно непонятным при этом остается тот факт, что почему-то на основной огромной территории трипольских племен памятники «катакомбников», которые якобы покорили трипольцев, отсутствуют. Оказывается, уничто-

жить трипольцев «катакомбникам» помогли «среднеднепровцы» и племена «мегалитиков», и они вместе с племенами двух культур — городской и усатовской произвели «ассимиляцию остатков трипольского населения». А. Я. Брюсов вслед за этим остроумно выдвигает одну догадку за другой в пользу своего положения о том, что трипольские поселения были уничтожены новыми пришельцами (стр. 238). О разгроме трипольцев вражескими племенами свидетельствуют, по А. Я. Брюсову, и целые сосуды, часто находимые в трипольских жилищах, и разбитые глиняные статуэтки, и малое количество бронзовых изделий на поселениях, и исчезновение их именно на среднем этапе (С/1), тогда как в эпоху городской и усатовской культуры медные изделия появляются в большом числе. Конечно, делать такие выводы, когда мы знаем всего несколько десятков предметов из меди в Триполье, преждевременно. Таким образом, выдвинутые догадки в пользу того, что поздне-трипольский городско-усатовский этап не является преемственным продолжением подлинной трипольской культуры, остаются не доказанными и не отражают, с нашей точки зрения, действительно имевших место событий начала II тыс. до н. э., гораздо более сложных, чем то, что пытается изобразить А. Я. Брюсов в главах своей книги, посвященных истории южных племен.

В заключение обзора книги А. Я. Брюсова следует подчеркнуть, что книга эта легко читается, в ней во всех главах автором преподнесены остроумные гипотезы и догадки о далеком прошлом племен, населявших некогда территорию нашей Родины. А. Я. Брюсов всю свою книгу строит таким образом, чтобы она покоилась на фундаменте из разнообразных археологических материалов. Эти материалы, однако, особенно в главах, посвященных Югу, еще не создали, как мне представляется, достаточно прочного фундамента (свою книгу сам А. Я. Брюсов называет «первым опытом»), и отсюда понятны те сомнения, которые встают при чтении. Думаю, что А. Я. Брюсов при переработке своей книги примет во внимание высказанные замечания и, устранив недочеты, на основе дополнительных археологических материалов создаст в будущем полноценную историю неолитических племен.

Г. С. Пассек

Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951, 538 стр., тираж 3500 экз., цена 32 руб. 80 коп.

Сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества» состоит из ряда статей известных советских ученых и касается многих вопросов, которые интересуют не только специалистов-антропологов, но и всех, занимающихся смежными науками. В качестве одного из последних я хотел бы высказать свое мнение о некоторых вопросах, затронутых в сборнике.

Сборник делится на два отдела: 1. «Происхождение человека и его рас». 2. «Древнее расселение человечества». В первом отделе статьи В. П. Якимова «Ранние стадии антропогенеза», Я. Я. Рогинского «Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека» и В. В. Бунака «Происхождение речи по данным антропологии» объединяются единством тематики и, как мы увидим ниже, единством взглядов на некоторые основные вопросы этой тематики. Статья С. Н. Замятина «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» посвящена чисто археологической проблеме вне прямой связи с антропологией и стоит несколько особняком среди других статей сборника. Статья Н. Н. Чебоксарова «Основные принципы антропологических классификаций» посвящена методике антропологических исследований и выходит за границы близкого мне круга вопросов.

Во втором отделе М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Г. Ф. Дебев, В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, В. В. Бунак и С. А. Токарев на основе антропологических данных